УДК 94 (37).05
DOI: 10.24411/2311-603X-2020-00005

В. К. Хрусталёв

Судебное преследование полководцев в Римской республике: случаи Марка Попиллия Лената и Сервия Сульпиция Гальбы*

Целью настоящей статьи является новое рассмотрение двух эпизодов римской истории II в.[1] — попыток привлечь к судебной ответственности за действия во вверенных им провинциях консула 173 г. М. Попиллия Лената и претора 151 г. С. Сульпиция Гальбу. Оба этих случая, и в особенности дело Гальбы, вызвали в Риме широкий резонанс. Согласно если не преобладающему, то весьма популярному в историографии мнению, именно скандальное «оправдание» (это слово взято в кавычки, поскольку судебный процесс в итоге не состоялся) Гальбы было той cause célèbre, которая стала поводом для принятия в 149 г. Кальпурниева закона de repetundis и создания первой в римской истории постоянной уголовной судебной комиссии (quaestio perpetua)[2]. Эта точка зрения, однако, выглядит весьма уязвимой. Представляется, что случаи с Ленатом и Гальбой следует скорее рассматривать в контексте развития судопроизводства по обвинениям в crimen minutae maiestatis populi Romani, т.е. в умалении величия римского народа. Такая гипотеза, хотя и высказывалась в литературе[3], насколько мне известно, подробно не аргументировалась.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00183.

Начать следует с рассмотрения дела М. Попиллия Лената, рассказ о котором сохранился только в сочинении Т. Ливия (XLII. 7–9, 21–22). Будучи консулом, М. Ленат в 173 г. воевал в Лигурии против племени стателлатов[4]. Осадив их город (oppidum) Карист, он смог принудить врагов к бою и разгромил в кровопролитном сражении. Уцелевшие, рассчитывая на милосердие победителя, сдались. Однако их надежды не оправдались: Ленат отобрал у стателлатов оружие, разрушил город, конфисковал всё имущество, а самих их продал в рабство (Liv. XLII. 8). Когда известие о действиях консула дошло до Сената, оно было встречено с возмущением. Как пишет Ливий, «когда претор А. Атилий огласил в курии это послание <...>, расправа показалась Сенату ужасной. Говорили, что с предельной жестокостью всячески истерзаны и уничтожены стателлаты — единственное лигурийское племя, которое никогда не обнажало оружия против римлян и ныне тоже не нападало, но подверглось нападению и сдалось на милость римского народа; что столько тысяч безвинных людей, взывавших к милосердию народа римского, проданы консулом, подавшим наихудший пример, чтобы впредь никто никогда не осмелился сдаться»[5] (здесь и далее пер. Н. Н. Трухиной). Поэтому «Сенат высказал пожелание, чтобы консул М. Ленат, вернув покупателям деньги, восстановил лигурийцев в правах свободных людей и позаботился вернуть им имущество, какое удастся выкупить; также следует вернуть им оружие, и как можно скорее. Консул не должен покидать провинцию до тех пор, пока не водворит сдавшихся лигурийцев на старое место»[6].

Рассерженный Ленат, оставив легионы в Пизе на зимних квартирах, приехал в Рим. Он наложил на претора А. Атилия штраф и, созвав заседание Сената, потребовал отменить постановление об освобождении лигурийцев, а также назначить в честь его победы благодарственное молебствие. Встретившись с сопротивлением некоторых сенаторов[7] и ничего не добившись, М. Ленат возвратился в свою провинцию. В следующем, 172 г. консулами стали его брат, Г. Попиллий Ленат, и П. Элий Лигур. Некоторые сенаторы настаивали на принятии нового постановления о лигурийцах, но консул Г. Ленат угрозами и уговорами препятствовал обсуждению этого вопроса. Тем временем М. Ленат, уже в качестве проконсула, опять сразился со стателлатами и уничтожил 6 тыс. человек; это привело к тому, что и прочие лигурийские племена взялись за оружие. Тогда плебейские трибуны М. Марций Сермон и Кв. Марций Сцилла при поддержке и одобрении Сената провели в комициях закон о сдавшихся лигурийцах, в котором «предписывалось, чтобы Сенат, принеся клятву, назначил человека, который расследует, кому из сдавшихся статиеллов не возвратили свободу до ближайших секстильских календ (1 августа. — *В. Х.*), и накажет того, кто злонамеренно продал их в рабство»[8]. Вести следствие было поручено претору Г. Лицинию Крассу.

На этот раз М. Ленат намеренно оттягивал свое возвращение в Рим, так как не решался предстать перед судом, зная о враждебном отношении к себе Сената

и народа. Как можно понять из рассказа Ливия, он полагал, что и претор Красс настроен недоброжелательно. В итоге плебейским трибунам пришлось внести еще одно предложение: если М. Ленат не явится в город к ноябрьским идам (13 ноября), дело должно быть рассмотрено в его отсутствие. Только тогда обвиняемый возвратился в Рим. Тем временем Сенат принял новое постановление, согласно которому преторам Г. Лицинию Крассу и Гн. Сицинию было поручено освободить проданных в рабство лигурийцев, а консулу Г. Попиллию Ленату — наделить их землей за р. Пад (Liv. XLII. 22. 5–6). После этого, как сообщает Ливий, «М. Попиллий по Марциеву закону дважды защищался на суде перед Г. Лицинием; на третий раз претор, из уважения к отсутствующему консулу и уступая мольбам семьи Попиллиев, назначил подсудимому явку на мартовские иды (15 марта. — *В. Х.*), то есть на тот день, когда в должность вступали новые магистраты; тогда, сделавшись частным лицом, Лициний уже не мог бы творить суд»[9]. Таким образом, процесс был прекращен и по причинам, о которых мы можем только догадываться, более не возобновлялся, так что М. Ленат смог избежать наказания. Эта история, по-видимому, не имела для него негативных последствий, и в 159 г. он был избран цензором[10].

Случай С. Сульпиция Гальбы имеет много общего со случаем М. Лената, но на сей раз дело происходило не на Апеннинском, а на Пиренейском полуострове[11]. Гальба был избран претором на 151 г. и получил в качестве провинции Дальнюю Испанию. Прибыв туда, он сразу развил бурную деятельность, начав военные действия против лузитан. Гальбе удалось разбить их в сражении, но затем римский полководец совершил ошибку, приказав своему утомленному долгим переходом и битвой войску преследовать противника. В результате лузитане нанесли римлянам мощный контрудар и обратили их в бегство, перебив 7 тыс. человек (App. *Iber.* 58). Поражение было столь тяжелым, что в 151 г. Гальба не рискнул больше предпринимать каких-либо серьезных операций. В следующем, 150 г. Гальба предпринял очередной поход против лузитан. Те отправили к нему послов, чтобы достичь соглашения с римлянами. Вступив в переговоры, Гальба предложил лузитанам плодородные земли для переселения. Когда лузитане сложили оружие, он, предательски нарушив условия договора, напал на них и многих перебил[12], а оставшихся продал в рабство, хотя некоторым всё же удалось спастись. Львиную долю захваченной добычи римский полководец присвоил себе, лишь незначительную часть раздав друзьям и войску, что, как показали последующие события, было весьма недальновидно с его стороны (Liv. *Per.* 49; Val. Max. IX. 6. 2; App. *Iber.* 59–60; Suet. *Galb.* 3. 2; Oros. IV. 21. 10). Именно вероломные действия Гальбы (а также другого военачальника, Л. Лициния Лукулла, см. ниже) спровоцировали восстание лузитан во главе с Вириатом, которое римляне не могли подавить в течение 8 лет (App. *Iber.* 61; Suet. *Galb.* 3. 2; Oros. IV. 21. 10).

По возвращении Гальбы в Рим в 149 г. плебейский трибун Л. Скрибоний Либон внес законопроект, согласно которому должна была быть создана

quaestio для суда над ним (Cic. *De orat.* I. 227; *Brut.* 89). Источники ничего не сообщают о том, что сами пострадавшие лузитане проявили в этом деле какую-либо активность. В поддержку законопроекта Либона выступили Л. Корнелий Цетег (Liv. *Per.* 49) и 85-летний М. Порций Катон, который произнес длинную речь, направленную против Гальбы; впоследствии он включил ее в седьмую книгу своих «Начал» (Cic. *Div. in Caec.* 66; *Mur.* 59; *De orat.* I. 227; *Brut.* 80, 89; Liv. XXXIX. 40. 12; *Per.* 49; Val. Max. VIII. 1. abs. 2; Gell. I. 12. 17; XIII. 25. 15; Plut. *Cato Mai.* 15. 5; Ps. — Aurel. Vict. *De vir. ill.* 47. 7; Ps. — Ascon. 203 St.). Сам Гальба, естественно, яростно протестовал против принятия этого закона. Его поддержал консул 153 г. Кв. Фульвий Нобилиор (Liv. *Per.* 49). Дебаты между противниками и сторонниками законопроекта Либона, которые велись на народных сходках (contiones), были необыкновенно жаркими. Имели место личные выпады сторон друг против друга: так, Гальба обвинил Либона в прелюбодействе (Cic. *De orat.* II. 263). Периоха Т. Ливия упоминает сохранившиеся две речи Гальбы, направленные против предложения Либона, и одну его речь против Цетега (Liv. *Per.* 49). Цицерону были известны тексты нескольких речей Либона против Гальбы (Cic. *Brut.* 90).

На последней сходке перед голосованием Гальба, понимая, что народ настроен против него (Val. Max. VIII. 1. abs. 2; Liv. *Per.* 49), прибегнул к неизвестному до тех пор в Риме приему защиты: он не стал отвечать на обвинения в свой адрес, но умолял о снисхождении, после чего вывел с собой на ростры маленьких детей (двух собственных сыновей и находившегося под его опекой Квинта, сына его умершего родственника Г. Сульпиция Галла) и со слезами на глазах поручил их покровительству народа на случай своего осуждения (Cato ORF. fr. 199; Cic. *De orat.* I. 228; *Brut.* 90; Liv. *Per.* 49; Liv. *Oxyr. Per.* 49; Quintil. *Inst. orat.* II. 15. 8; Val. Max. VIII. 1. abs. 2). Публика была растрогана до слез, и рогация Либона провалилась. Многие поздние писатели ошибочно полагают, что Гальба на самом деле был привлечен к суду и оправдан (Liv. *Oxyr. Per.* 49; Val. Max. VIII. 1. abs. 2; Tac. *Ann.* III. 66. 2; Plut. *Cato Mai.* 15. 5; Front. *Ad M. Caes.* III. 20; Gell. I. 12. 17; Ps. — Aurel. Vict. *De vir. ill.* 47. 7; Ps. — Ascon. 203 St.)[13]. Аппиан (*Iber.* 60) пишет, что Гальба, привлеченный к суду (κατηγορούμενος), спасся благодаря своему богатству (διέφευγε διὰ τὸν πλοῦτον), видимо, подозревая подкуп[14].

Разумеется, немалую роль в том, что М. Попиллия Лената и С. Сульпиция Гальбу попытались привлечь к суду, сыграли усилия их политических противников, однако в свете темы настоящей статьи политический контекст не имеет принципиального значения[15]. Для нас гораздо важнее попытаться установить, какие формальные обвинения были предъявлены Ленату и Гальбе. Постоянные судебные законы, которые давали бы четкое определение таким преступлениям, как crimen repetundarum или crimen maiestatis (в сферу действия которых деяния Лената и Гальбы, несомненно, попали бы, будь они совершены несколькими десятилетиями позже), на тот момент отсутствовали. Однако

в эпоху Республики отсутствие закона, прямо запрещающего должностному лицу какие-либо действия, не означало, что впоследствии он не мог быть привлечен за них к суду[16]: являются ли его поступки преступными, определялось уже в ходе судебного разбирательства[17]. При этом нет веских оснований отрицать, что термины crimen repetundarum или crimen maiestatis могли существовать и до принятия соответствующих судебных законов[18]. Как представляется, Ленат и Гальба были обвинены именно в умалении величия римского народа, в пользу чего можно привести несколько аргументов.

Во-первых, в источниках нет сведений о каких-либо действиях, предпринятых пострадавшей стороной. Инициатива расследовать действия М. Лената исходила от Сената. О том, как обстояло дело с Гальбой, информации нет, но, учитывая все обстоятельства, мы можем подозревать то же самое[19]. Между тем, следствие по делам о вымогательстве в провинциях в тот период всегда начиналось с обращения пострадавших с жалобой на своего обидчика. В частности, иностранные посольства обращались в Сенат в 170 г. с жалобами на действия консула 171 г. Г. Кассия Лонгина (Liv. XLIII. 5), претора 171 г. Г. Лукреция Галла (Liv. XLIII. 7. 8–10) и претора 170 г. Л. Гортензия (Liv. XLIII. 4. 8–13, 7. 8–11). В результате Кассий и Гортензий ушли от наказания, а Лукреций предстал перед судом трибутных комиций и был приговорен к штрафу в 1 млн ассов (Liv. XLIII. 8). В 171 г. послы из Испании жаловались на трех предыдущих наместников испанских провинций: М. Тициния, П. Фурия Фила и Г. Матиена (Liv. XLIII. 2)[20].

Во-вторых, первые leges de repetundis (законы Кальпурния и Юния) были направлены исключительно на возмещение пострадавшим их материальных потерь[21]. Никакого наказания для обвиняемого не предполагалось; оно было введено лишь Ацилиевым законом 122 г. (*Lex Acilia*. 59: возмещение убытков в двойном размере). В предшествующие несколько десятилетий при рассмотрении дел о вымогательствах в центре внимания стоял тот же вопрос. Так, в 171 г. для рассмотрения жалоб на бывших испанских наместников претору Л. Канулею было поручено сформировать комиссии рекуператоров по пяти сенаторов в каждой[22]. Таким образом, эти разбирательства были обыкновенными гражданскими процессами, на которых интересы испанцев представляли выбранные ими защитники (patroni) из числа римских граждан (Liv. XLIII. 2, 3–7). Однако в случаях с Ленатом и Гальбой для расследования предполагалось создать quaestiones extraordinariae, т.е. речь идет именно об уголовных процессах, в ходе которых решался вопрос о наказании виновных, а не только о материальной компенсации пострадавшим.

И в том, и в другом случае имела место формальная сдача на милость (deditio)[23]. Такая капитуляция была безусловной: жизнь и собственность побежденных препоручались «доброму имени» (fides) римского военачальника, и в обмен они не получали никаких формальных гарантий их сохранения, поэтому «сдавшиеся» (dediticii) могли быть убиты или проданы в рабство (Polyb.

XX. 9–10; XXXVI. 4). Судьбу их решал либо сам полководец, либо Сенат[24]. Однако потенциальная свобода действий полководца по отношению к dediticii ограничивалась обычаем и римскими представлениями о fides и iustitia («справедливости»), которые были тесно связаны с религией[25]. Хотя некоторые исследователи выражают скепсис относительно эффективности этого барьера[26], было бы неверным полностью отрицать ее лишь на том основании, что такие ограничения не были закреплены юридически. Известно очень немного случаев жестоких расправ с dediticii, и представляется, что это обстоятельство нельзя объяснить только плохой сохранностью источников[27]. В конце концов, если римский полководец не хотел связывать себе руки, он мог просто отказаться принимать капитуляцию, как поступил Сципион Африканский Старший с некоторыми пунийскими городами в Африке в 203/2 г. (Polyb. XV. 4. 2), тем самым надежно защитив себя от любых упреков. Ливий отмечает, что побежденные лигурийцы с Ленатом никаких условий предварительно не оговаривали, надеясь на его милосердие. Соответственно, формально М. Ленат лишь воспользовался своим правом решать их судьбу, однако с этической точки зрения его действия, по мнению сенаторов, безусловно заслуживали осуждения; так, рассказывая о том, как Ленат в 172 г. снова напал на стателлатов (без всякой агрессии с их стороны), Ливий пишет, что проконсул действовал «вопреки праву и божественному закону» (Liv. LXII. 21. 2–3: contra ius ac fas).

В случае с Гальбой лузитане, прежде чем сдаться, заранее получили от него устные гарантии, скрепленные взаимными клятвами[28]. Плебейский трибун Л. Либон и его сторонники в своих речах на сходках наверняка обвиняли Гальбу в вероломстве, так как тот, несомненно, нарушил этические обязательства, накладываемые fides[29]. Гальба признавал, что приказал перебить лузитан. Показательно, что, защищаясь, Гальба не ссылался на свое право командующего решать судьбу сдавшихся на милость по своему усмотрению: вместо этого он оправдывал свои действия тем, что лузитане якобы просили мира только для вида, а на самом деле замышляли напасть на римское войско и потому принесли в жертву, по своему обычаю, коня и человека (Cato ORF. fr. 197; Liv. *Per.* 49; Gell. I. 12. 17). Вероятно, Гальба напомнил также о нарушении лузитанами предыдущего договора, который они заключили с претором 152 г. М. Атилием (App. *Iber.* 59)[30].

Итак, и в действиях Лената, и в действиях Гальбы, несомненно, можно было усмотреть нарушение fides, каковое понятие, как было сказано выше, имело ярко выраженные религиозные коннотации. Понятие ‘maiestas’ тоже первоначально принадлежало к миру сакрального[31], откуда оно не позднее рубежа III–II вв. проникает в сферы политики и права[32], в том числе в область международных отношений: в 189 г. в текст союзного договора с этолийцами была внесена клаузула, в которой этолийцы обязывались «без злого умысла охранять величие римского народа» (Liv. XXXVIII. 11: imperium maiestatemque populi Romani gens Aetolorum conservato sine dolo malo; Polyb. XXI. 32. 2: ὁ δῆμος ὁ τῶν Αἰτωλῶν

τὴν ἀρχὴν καὶ τὴν δυναστείαν τοῦ δήμου τῶν Ῥωμαίων [—])[33]. Следует, пожалуй, согласиться с Э. Тойблером и Э. Бэдианом, что использование этой «псевдоюридической» терминологии должно было выразить установление клиентской зависимости[34]. Отношения между патроном и клиентом были основаны на взаимной fides. Поэтому, как мне представляется, действия, нарушающие fides populi Romani, вполне могли быть расценены как умаляющие maiestas populi Romani. Именно обвинения в нарушении обязательств, накладываемых fides populi Romani, объединяют случаи Лената и Гальбы и отличают их от прочих имевших место в этот период процессов против римских полководцев, на которых речь также шла, вероятно, об умалении величия: в других случаях военачальники привлекались к суду за понесенные поражения, как это произошло в 146 г. с Г. Плавцием (App. *Iber.* 64; Diod. XXXIII. 2)[35] и в 136 г. с М. Эмилием Лепидом (App. *Iber.* 81–83).

Тем не менее не следует сбрасывать со счетов и политическую подоплеку событий. Жестокие расправы с dediticii могли убедить противников Рима, что им лучше не сдаваться, а сопротивляться до последнего. Одним из главных обвинений в адрес М. Лената было то, что он снова побудил к войне уже замиренные лигурийские племена (Liv. XLII. 21. 2–3), чем был нанесен очевидный ущерб интересам римского народа. Вполне вероятно, что противники Гальбы также ставили ему в вину вспыхнувшее в Лузитании восстание Вириата[36].

Х. Муньис Коэльо считает, что Гальба мог быть дополнительно обвинен в казнокрадстве (peculatus), так как он присвоил себе почти всю захваченную в Испании военную добычу[37]. Это предположение, однако, представляется необоснованным, ибо, как убедительно показал И. Шацман, римский военачальник в эпоху Республики мог распоряжаться захваченной им добычей по своему усмотрению и это право никогда не оспаривалось[38].

Наказания, грозившие обвиняемым, должны были быть прописаны в законе о создании quaestio. В случае с Ленатом об этом нельзя сказать ничего определенного. В случае с Гальбой создается впечатление, что ему грозила poena capitalis, т. е. смертная казнь, которой подсудимый, по римскому обычаю, мог избежать, удалившись в изгнание. Во всяком случае, если бы речь шла о простом возмещении убытков пострадавшим (что предусматривалось в делах de repetundis) или о денежном штрафе, едва ли Гальба стал бы вести себя так, будто ему грозит изгнание, т. е. поручать римскому народу опеку над своими детьми: это выглядело бы не трогательно, а нелепо. Конечно, известно немало случаев, когда осужденные de repetundis отправлялись в ссылку: если сумма ущерба была настолько велика, что ее взыскание неминуемо привело бы к банкротству ответчика, добровольный уход в изгнание, по всей видимости, давал возможность избежать позора и спасти хотя бы часть имущества[39]. Однако Гальба был богатейшим человеком в Риме, поэтому такой вариант кажется маловероятным.

Всё вышеперечисленное заставляет усомниться в возможности рассматривать эти два эпизода в контексте борьбы с вымогательствами и грабежами

провинциальных наместников. По-видимому, главным пунктом обвинений, выдвинутых против Лената и Гальбы, было нарушение fides по отношению соответственно к лигурийцам и лузитанам, которое могло расцениваться как crimen minutae maiestatis populi Romani, а дополнительные обвинения могли заключаться в том, что действия полководцев привели к возобновлению войны с этими народами и новым внешнеполитическим осложнениям. Неудачи, постигшие обвинителей, по-видимому, не оказали сколько-нибудь значимого воздействия на дальнейшее развитие системы римского уголовного судопроизводства, хотя не подлежит сомнению, что скандальное дело Гальбы осталось в памяти многих поколений римлян.

---

1 Все даты в статье — до н. э.

2 См.: *Münzer F.* Sulpicius (58) // RE. 1931. Bd. IVA. Sp. 763–764; *Bleicken J.* Das Volkstribunat der klassischen Republik. München, 1955. S. 145, Anm. 3; *Astin A. E.* Scipio Aemilianus. Oxford, 1967. P. 58–59; *Gruen E. S.* Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 BC. Cambridge, 1968. P. 12–15; *Симон Г.* Войны Рима в Испании 154–133 гг. до н.э. / Пер. с нем. А.В. Короленкова. СПб., 2008. С. 101; *Cloud D.* The Constitution and Public Criminal Law // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge, 1992. P. 507; *Burton P.J.* Friendship and Empire: Roman Diplomacy and Imperialism in the Middle Roman Republic (353–146 BC). Cambridge, 2011. P. 326; отчасти *Betts I., Marshall B. A.* The *Lex Calpurnia* of 149 BC // Antichton. 2013. Vol. 47. P. 40. На слабые места этой гипотезы уже обратил внимание Дж. Ричардсон (*Richardson J.S.* 1) *Hispaniae*. Spain and the Development of Roman Imperialism, 218–82 BC. Cambridge, 1986. P. 138–140; 2) The Purpose of the *Lex Calpurnia de Repetundis* // JRS. 1987. Vol. 77. P. 1–2), но, как кажется, высказанные им сомнения так и не смогли поколебать communis opinio.

3 См.: *Betts I., Marshall B. A.* The *Lex Calpurnia* of 149 BC. P. 42, 47. Р. Бауман отправной точкой для возникновения понятия crimen maiestatis считает развитие такого явления, как Rechenschaftsprozess. Приводя примеры таких процессов, он называет случай Гальбы, но не упоминает суд над М. Ленатом (*Bauman R. A.* The *Crimen Maiestatis* in the Roman Republic and Augustan Principate. Johannesburg, 1967. P. 22–23).

4 О различных вариантах наименования в источниках этого народа (Statellates, Statielli, Statiellenses, Statelli) см.: *Philipp H.* Statielli // RE. 1929. Bd. IIIA. Sp. 2183–2184.

5 Liv. XLII. 8. 4–6: Quas cum A. Atilius praetor in curia recitasset <...> atrox res visa senatui, Statellates, qui uni ex Ligurum gente non tulissent arma adversus Romanos, tum quoque oppugnatos, non ultro inferentis bellum, deditos in fidem populi Romani omni ultimae crudelitatis exemplo laceratos ac deletos esse, tot milia capitum innoxiorum, fidem inplorantia populi Romani, ne quis umquam se postea dedere auderet, pessumo exemplo venisse <...>.

6 Liv. XLII. 8. 7–8: Quas ob res placere senatui, M. Popillium consulem Ligures pretio emptoribus reddito ipsos restituere in libertatem bonaque ut is, quidquid eius reciperari possit, reddantur curare, arma quoque reddi, eaque primo quoque tempore fieri, nec ante consulem de provincia decedere quam deditos in sedem suam Ligures restituisset.

7 Одним из которых был, возможно, М. Порций Катон (Non. Marc. 124 L). См.: *Münzer F.* Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 217. Anm. 1.

8 Liv. XLII. 21. 5: sanciebatur, ut qui. Statellis deditis in libertatem restitutus ante calendas Sextiles primas non esset, cuius dolo malo is in servitutem venisset, ut iuratus senatus decerneret, qui eam rem quaereret animadverteretque.

9 Liv. XLII. 22. 7: M. Popillius rogatione Marcia bis apud. Licinium causam dixit; tertio praetor, gratia consulis absentis et Popilliae familiae precibus victus, idibus Martiis adesse reum iussit,

quo die novi magistratus inituri erant honorem, ne diceret ius, qui privatus futurus esset. По-видимому, претор Г. Красс решил сохранить нейтралитет и не брать на себя ответственность за оправдание или осуждение М. Лената (ср. *Briscoe J.* A Commentary on Livy, Books 41–45. Oxford, 2012. P. 227: 'why Crassus acted as he did remains a mystery: perhaps he just wanted a quiet life').

[10] Ссылки на источники см.: MRR. Vol. I. P. 445–446.

[11] Действия Гальбы в Испании подробно рассмотрены, например, в книге: *Симон Г.* Войны Рима в Испании... С. 89–91, 93–102. Поэтому я ограничиваюсь лишь общим обзором событий.

[12] Цифры, приводимые источниками, противоречивы (см.: Val. Max. IX. 6. 2; Suet. *Galb.* 3. 2); Г. Симон оценивает общее число сдавшихся лузитан в 30 тыс. человек, из которых 8 тыс. были убиты (*Симон Г.* Войны Рима в Испании... С. 95).

[13] Из современных исследователей мнения о том, что Гальба был привлечен к суду комиций и оправдан, придерживается К. Вентурини (*Venturini C.* Studi sul crimen repetundarum nell'età repubblicana. Milano, 1979. P. 128).

[14] Г. Симон (*Симон Г.* Войны Рима в Испании... С. 100–101) не исключает такой возможности, но мне она представляется маловероятной.

[15] Подробнее см.: *Astin A. E.* Scipio Aemilianus. P. 58–59; *Dahlheim W.* Struktur und Entwicklung des römischen Völkerrechts. München, 1968. S. 40–41. Что касается Гальбы, то одной из главных причин выдвижения обвинения против него стала, возможно, проявленная им скупость. В 151 г. консул Л. Лициний Лукулл, ведя без позволения римского народа (App. *Iber.* 59: ἄνευ ψηφίσματος πολεμήσας) войну с племенем ваккеев, так же как и Гальба, вероломно расправился со сдавшимся ему городом Каукой, перебив почти 20 тыс. человек (App. *Iber.* 52, 89). В 150 г. Лукулл снова нарушил соглашение, заключенное на сей раз со сдавшимися ему лузитанами (App. *Iber.* 59, 61). Однако в отличие от Гальбы Лукулл, по-видимому, разделил трофеи со своей армией (App. *Iber.* 60); в итоге он остался безнаказанным. Как предполагает Г. Симон (*Симон Г.* Войны Рима в Испании... С. 96–97), инициатива выдвинуть обвинение могла исходить от кого-либо из членов штаба Гальбы, с которым тот не поделился добычей.

[16] Вопреки чеканной формулировке Т. Моммзена: 'Kein Delict ohne Criminalgesetz, keinen Strafprozess ohne Prozessgesetz, keine Strafe ohne Strafgesetz' (*Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. S. 57).

[17] См. подробнее: *Bauman R. A.* The *Crimen Maiestatis*... P. 21.

[18] Некоторые авторы (например, *Last H., Gardner R.* The Enfranchisement of Italy // CAH. 1st ed. Vol. IX. Cambridge, 1932. P. 160–161) считают «изобретателем» понятия crimen maiestatis плебейского трибуна Л. Аппулея Сатурнина, автора первого закона de maiestate. Большинство исследователей относят его принятие к первому трибунату Сатурнина в 103 г. (например: *Pollack E.* Der Majestätsgedanke im römischen Recht. Leipzig, 1908. S. 157; *Rotondi G.* Leges publicae populi Romani. Milano, 1912. P. 329; *Kübler B. Maiestas* (1) // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 546; *Last H., Gardner R.* The Enfranchisement of Italy. P. 161; *Gruen E. S.* The *Lex Varia* // JRS. 1965. Vol. 55. P. 59; *Seager R. Lex Varia de maiestate* // Historia. 1967. Bd. 16. S. 37; 38, Anm. 8; *Badian E. Quaestiones Variae* // Historia. 1969. Bd. 18. S. 449; *Cloud D.* The Constitution and Public Criminal Law. P. 518; *Muñiz Coello J.* El proceso de Galba, las quaestiones y la justicia ordinaria (Roma, siglos II/I a. C.) // AC. 2004. T. 73. P. 110, 113). Я склоняюсь к более поздней датировке — 100 г. (аргументы см.: *Ferrary J.-L.* 1) Recherches sur la législation de Saturninus et de Glaucia (II) // MEFRA. 1979. T. 91. P. 95–96; 2) Les origines de la loi de majesté à Rome // CRAI. 1983. T. 4. P. 565–567). Вместе с тем я полагаю, что термин crimen maiestatis вошел в употребление значительно раньше (с середины III в.), чем был принят закон Сатурнина (см. подробнее: *Bauman R. A.* The *Crimen Maiestatis*... P. 23–33).

[19] См.: *Kienast D.* Cato der Zensor. Heidelberg, 1954. S. 97; *Bleicken J.* Das Volkstribunat der klassischen Republik. S. 58.

[20] Обо всех этих эпизодах см. подробнее: *Betts I., Marshall B. A.* The *Lex Calpurnia* of 149 BC. P. 42–46.

[21] См. подробнее: *Eder W.* Das vorsullanische Repetundenverfahren: Diss. München, 1969. S. 58–74 (с библиографией).

[22] А. Цумпт (*Zumpt A. W.* Das Criminalrecht der römischen Republik. Berlin, 1869. Bd. II. Abth. 1. S. 15) предполагает, что Сенат признал обвиняемых виновными, а рекуператорам было поручено лишь определить сумму возмещения. Но рассказ Ливия этой гипотезы не подтверждает.

[23] Liv. XLII. 8. 1: dediderunt sese, nihil quidem illi pacti; XLII. 8. 5: deditos in fidem populi Romani (о стателлатах); Liv. *Per.* 49: in fidem populo Romano dediti (о лузитанах).

[24] О *deditio* см. подробнее: *Ziegler K.-H. Vae victis!* — Sieger und Besiegte im Licht des römischen Rechts // *Vae victis!* Über dem Umgang mit Besiegten. Referate, gehalten auf der Tagung der Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften Hamburg am 13. Oktober und 1. November 1997 / Hrsg. O. Kraus. Göttingen, 1998. S. 45–66; *Burton P. J.* Friendship and Empire... P. 114–158 (с библиографией).

[25] См. подробнее: *Boyancé P.* Les Romains: peuple de la fides // BAGB. 1964. T. 9. P. 419–435; *Burton P. J.* Friendship and Empire... P. 40–41 (с библиографией). В Риме даже существовал культ богини Fides (Liv. I. 21. 4).

[26] См. например: *Dahlheim W.* Struktur und Entwicklung... S. 40–43; *Eckstein A. M.* Ancient 'International Law', the Aetolian League, and the Ritual of Unconditional Surrender to Rome: A Realist View // IHR. 2009. Vol. 31. P. 266–267.

[27] См.: *Burton P. J.* 1) Ancient International Law, the Aetolian League, and the Ritual of Surrender during the Roman Republic: The Constructivist View // IHR. 2009. Vol. 31. P. 249–252; 2) Friendship and Empire... P. 324–328.

[28] App. *Iber.* 60: ὀδυρομένους τε καὶ θεῶν ὀνόματα καὶ πίστεις ἀνακαλοῦντας. Ср. с описанием действий Л. Лициния Лукулла против ваккеев: οἱ μὲν δὴ πίστεις τε καὶ θεοὺς ὁρκίους ἐπικαλούμενοι, καὶ Ῥωμαίους ἐς ἀπιστίαν λοιδοροῦντες (App. *Iber.* 52).

[29] См.: Cic. *Brut.* 89: Lusitanis a Ser. Galba praetore contra interpositam, ut existimabatur, fide m interfectis.

[30] См.: *Симон Г.* Войны Рима в Испании... С. 98.

[31] *Bauman R. A.* The *Crimen Maiestatis*... P. 4–6.

[32] Хотя в литературных и эпиграфических источниках выражение maiestas populi Romani появляется только в I в. (см.: *Gundel H.* Der Begriff *maiestas* im politischen Denken der römischen Republik // Historia. 1963. Bd. 12. S. 301–307, 316–319; *Bauman R. A.* The *Crimen Maiestatis*... P. 6–12, 23–33).

[33] Можно с большой долей уверенности предположить, что аналогичная клаузула была включена уже в договор римлян с испанским городом Гадесом в 206 г. (Cic. *Balb.* 35). См. подробнее: *Baronowski D. W. Sub umbra foederis aequi* // Phoenix. 1990. Vol. 44. P. 347–352, 368–369.

[34] *Täubler E. Imperium Romanum.* Studien zur Entwicklungsgeschichte des römischen Reichs. Leipzig, 1913. Bd. I: Die Staatsverträge und Vertragsverhältnisse. S. 62–63; *Badian E.* Foreign Clientelae (264–70 BC). Oxford, 1958. P. 86–87.

[35] Диодор прямо говорит, что Г. Плавций был привлечен к суду ἐπὶ τῷ τεταπεινωκέναι τὴν ἀρχήν (обычный греческий аналог для maiestatem minuere).

[36] Г. Симон (*Симон Г.* Войны Рима в Испании... С. 101) полагает, будто современники еще не осознавали этой связи, ссылаясь на то, что в противном случае было бы невозможно, чтобы Гальба в свой консулат в 144 г. домогался командования в войне против Вириата (Val. Max. VI. 4. 2). Этот аргумент не выглядит убедительным: едва ли современники, будучи лучше нашего осведомлены о развитии событий, оказались не в состоянии выстроить столь несложную логическую цепочку, а Гальба в итоге вожделенного командования так и не получил. Гальба достиг консулата не suo anno (в 148 г.), и эта задержка в его политической карьере как раз может быть связана с его скандальными действиями в Испании (*Astin A. E.* Scipio Aemilianus. P. 59).

[37] *Muñiz Coello J.* El proceso de Galba... P. 115, N 14.

[38] *Shatzman I.* The Roman General's Authority over Booty // Historia. 1972. Bd. 21. P. 177–205.

[39] См.: *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. S. 730; *Strachan-Davidson J. L.* Problems of the Roman Criminal Law. Oxford, 1912. Vol. II. P. 3–4.

Список сокращений

AC — L'Antiquité classique
AncW — Ancient World
BAGB — Bulletin de l'Association Guillaume Budé
CAH — Cambridge Ancient History
CRAI — Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
IHR — International History Review
JRS — Journal of Roman Studies
MEFRA — Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité
MRR — *Broughton T. R. S.* The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I–II. New York, 1951. 2. Vol. III. Suppl. Atlanta, 1986
ORF — *Malcovati H.* Oratorum Romanorum fragmenta. Editio secunda. Augustae Taurinorum, 1955
RE — *Pauly's* Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von *G. Wissowa*. W. Kroll (Hrsg.). Stuttgart, 1893–1972
ZRG — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung

References

Astin A. E. *Scipio Aemilianus*. Oxford, 1967.
Badian E. *Foreign Clientelae (264–70 BC)*. Oxford, 1958.
Badian E. *Quaestiones Variae* // Historia. 1969. Bd. 18. S. 447–491.
Baronowski D. W. *Sub umbra foederis aequi* // Phoenix. 1990. Vol. 44. P. 345–369.
Bauman R. A. The *Crimen Maiestatis* in the Roman Republic and Augustan Principate. Johannesburg, 1967.
Betts I., Marshall B. A. *The Lex Calpurnia of 149 BC* // Antichton. 2013. Vol. 47. P. 39–60.
Bleicken J. *Das Volkstribunat der klassischen Republik*. München, 1955.
Boyancé P. *Les Romains: peuple de la fides* // BAGB. 1964. T. 9. P. 419–435.
Briscoe J. *A Commentary on Livy, Books 41–45*. Oxford, 2012.
Burton P. J. *Ancient International Law, the Aetolian League, and the Ritual of Surrender during the Roman Republic: The Constructivist View* // IHR. 2009. Vol. 31. P. 237–252.
Burton P. J. *Friendship and Empire: Roman Diplomacy and Imperialism in the Middle Roman Republic (353–146 BC)*. Cambridge, 2011.
Cloud D. *The Constitution and Public Criminal Law* // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge, 1992. P. 491–530.
Dahlheim W. *Struktur und Entwicklung des römischen Völkerrechts*. München, 1968.
Eckstein A. M. *Ancient 'International Law', the Aetolian League, and the Ritual of Unconditional Surrender to Rome: A Realist View* // IHR. 2009. Vol. 31. P. 253–267.
Eder W. *Das vorsullanische Repetundenverfahren:* Diss. München, 1969.
Ferrary J.-L. *Recherches sur la législation de Saturninus et de Glaucia (II)* // MEFRA. 1979. T. 91. P. 85–134.
Ferrary J.-L. *Les origines de la loi de majesté à Rome* // CRAI. 1983. T. 4. P. 556–572.
Gruen E. S. *The Lex Varia* // JRS. 1965. Vol. 55. P. 59–73.
Gruen E. S. *Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 BC*. Cambridge, 1968.
Gundel H. *Der Begriff maiestas im politischen Denken der römischen Republik* // Historia. 1963. Bd. 12. S. 283–320.
Kienast D. *Cato der Zensor*. Heidelberg, 1954.
Kübler B. *Maiestas (1)* // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 542–559.
Last H., Gardner R. *The Enfranchisement of Italy* // CAH. 1st ed. Vol. IX. Cambridge, 1932. P. 158–210.
Mommsen Th. *Römisches Strafrecht*. Leipzig, 1899.
Muñiz Coello J. *El proceso de Galba, las quaestiones y la justicia ordinaria (Roma, siglos II/I a. C.)* // AC. 2004. T. 73. P. 109–126.
Münzer F. *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart, 1920.
Münzer F. *Sulpicius (58)* // RE. 1931. Bd. IVA. Sp. 759–767.
Philipp H. *Statielli* // RE. 1929. Bd. IIIA. Sp. 2183–2184.
Pollack E. *Der Majestätsgedanke im römischen Recht*. Leipzig, 1908.
Richardson J. S. *Hispaniae. Spain and the Development of Roman Imperialism, 218–82 BC*. Cambridge, 1986.
Richardson J. S. *The Purpose of the Lex Calpurnia de Repetundis* // JRS. 1987. Vol. 77. P. 1–12.
Rotondi G. *Leges publicae populi Romani*. Milano, 1912.
Shatzman I. *The Roman General's Authority over Booty* // Historia. 1972. Bd. 21. P. 177–205.

Seager R. *Lex Varia de maiestate* // Historia. 1967. Bd. 16. S. 37–43.

Simon G. *Vojny Rima v Ispanii 154–133 gg. do n.e.* [Rome's Wars in Spain, 154–133 BC] / Transl. by A. V. Korolenkov. St. Petersburg, 2008.

Strachan-Davidson J. L. *Problems of the Roman Criminal Law*. Oxford, 1912. Vol. II.

Täubler E. *Imperium Romanum. Studien zur Entwicklungsgeschichte des römischen Reichs*. Leipzig, 1913. Bd. I: *Die Staatsverträge und Vertragsverhältnisse*.

Venturini C. *Studi sul crimen repetundarum nell'età repubblicana*. Milano, 1979.

Ziegler K.-H. *Vae victis! — Sieger und Besiegte im Licht des römischen Rechts* // *Vae victis!* Über dem Umgang mit Besiegten. Referate, gehalten auf der Tagung der Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften Hamburg am 13. Oktober und 1. November 1997 / Hrsg. O. Kraus. Göttingen, 1998. S. 45–66.

Zumpt A. W. *Das Criminalrecht der römischen Republik*. Berlin, 1869. Bd. II. Abth. 1.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. К. Хрусталёв. Судебное преследование полководцев в Римской республике: случаи Марка Попиллия Лената и Сервия Сульпиция Гальбы // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 63–74

Аннотация: В статье рассматриваются два хорошо известных эпизода римской истории II в. до н. э. — неудачные попытки привлечь к ответственности полководцев Марка Попиллия Лената и Сервия Сульпиция Гальбу за их жестокие расправы с dediticii (соответственно в Лигурии и Испании). В историографии эти случаи традиционно рассматриваются в контексте складывавшейся в этот период практики судопроизводства de repetundis. Однако более внимательный анализ свидетельств источников заставляет предположить, что Ленат и Гальба, скорее всего, были обвинены в умалении величия римского народа (crimen maiestatis).

Ключевые слова: Классическая римская республика, внешняя политика Римской республики, Лигурия, Испания, римское право, уголовные процессы, fides, dediticii, crimen maiestatis, crimen repetundarum.

FOR CITATION

W. K. Chrustaljow. Prosecuting Military Leaders in the Roman Republic: The Cases of Marcus Popillius Laenas and Servius Sulpicius Galba // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 63–74

Abstract: The author considers two notorious episodes from the Roman history of the second century BC, namely the failed attempts to punish generals Marcus Popillius Laenas and Servius Sulpicius Galba for their severities against *dediticii* in Liguria and Spain respectively. In historiography both cases are widely associated with the contemporary development of the new criminal procedure *de repetundis*. But re-examination of the surviving sources makes it clear that Laenas and Galba more likely were prosecuted on a *crimen maiestatis* charge.

Key words: Middle Roman Republic, foreign policy of the Roman Republic, Liguria, Spain, Roman law, criminal trials, *fides*, *dediticii*, *crimen maiestatis*, *crimen repetundarum*.

Автор: **Хрусталёв, Вячеслав Константинович** — к.и.н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Author: **Chrustaljow, Wjatscheslaw Konstantinovitsch** — PhD, Associate Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: vkhrustalev@herzen.spb.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3174-9028